

Лу Шицин не переставал плакаться Чжоу Фу в WeChat даже тогда, когда гримёр уже заканчивал накладывать ему макияж.

****[Синий: О боже, он всё услышал, он точно всё слышал! ☹☹ И ушёл, даже слова не сказав!]****

После этого сообщения в чат полетела бесконечная вереница плачущих стикеров — с собачками, котиками и пингвинами. Настоящий зоопарк.

Чжоу Фу и сам чувствовал себя крайне неловко.

После утренней внезапной встречи лицом к лицу с Жун Сюем младший актёр пребывал в глубоком унынии и балансировал на грани нервного срыва. Объяснить то нелепое недоразумение было попросту невозможно. К тому же Жун Сюй, хоть и скрывал лицо под маской, явно был не в духе — его ассистент от страха даже дышать боялся.

В итоге обе стороны разошлись в полном молчании, оставив после себя лишь гнетущую неловкость.

Израсходовав практически весь свой запас плачущих стикеров, Лу Шицин наконец немного успокоился и, придя в себя после эмоционального взрыва, уныло напечатал:

****[Синий: Брат Чжоу, а у тебя есть контакты Жун Сюя?]****

— Да не особо, — со вздохом отозвался Чжоу Фу. — Жун Сюй только с виду такой общительный и дружелюбный. На самом деле его личный WeChat есть только у близких друзей. Все прочие контакты, добавленные из вежливости, висят на сотрудниках его студии, они же за него и отвечают.

Чжоу Фу заговорил так внезапно, что гримёр от неожиданности вздрогнул. Лу Шицин снова был готов разрыдаться.

Делать было нечего. Кое-как закончив с гримом и облачившись в струящиеся одежды своего персонажа, Шицин под присмотром своего агента сел в минивэн и отправился на съёмочную площадку.

При виде него у режиссёра Чжао загорелись глаза.

Обычно Лу Шицин вне кадра держался отчуждённо, холодно и неприступно, напоминая прекрасную ледяную скульптуру, но сегодня в его облике сквозило нечто совершенно иное.

— Сяо Лу! — восхищённо воскликнул режиссёр. — Потрясающе! Какая глубина, какие эмоции! В твоих глазах и обида, и боль, и эта щемящая, безысходная тоска... Настоящий заброшенный

дух меча, которого предал хозяин. Идеальный настрой! Держи его, не растеряй, сейчас начнём снимать!

Лу Шицин лишь промолчал в ответ.

Чжоу Фу тоже едва сдерживался, чтобы не прыснуть от смеха — вот уж действительно, нет у человека совести.

Самому же Шицину было чертовски обидно, но поделиться своим горем он ни с кем не мог. В этот момент он как две капли воды походил на своего персонажа — духа меча Бухуэя.

По сюжету главная героиня, Цинь Шу, потакала бесчинствам своего духа меча, истреблявшего её соучеников. Однако с прибытием старейшин ордена ей пришлось умерить его пыл и подчиниться.

Бухуэй по привычке рвался защитить свою госпожу, но та резким окриком заставила его замереть. Ему не оставалось ничего другого, кроме как безропотно позволить заковать себя в цепи пленения духов.

В сценарии у Цзян Ванчжи, игравшей роль Цинь Шу, в этой сцене была лаконичная ремарка: «смятение в душе». Поначалу актриса понятия не имела, как это сыграть. В конце концов, её героиня и дух меча не проходили вместе огонь и воду, а их совместные сцены занимали от силы десяток глав в оригинальном романе.

Но стоило ей увидеть Лу Шицина в образе израненного, побитого в бою духа меча с тяжёлыми цепями на запястьях...

Она мгновенно ощутила то самое смятение!

Пусть этот дух меча и выкосил половину её ордена, но... боже мой, до чего же он был красив!

К тому же её так называемые соратники только прикрывались пафосными речами о справедливости. На самом деле они обвинили её в сговоре с демонами лишь для того, чтобы прикончить до прихода старейшин и забрать её сокровища.

Глядя на Шицина, Цзян Ванчжи поймала себя на мысли, что её моральные ориентиры готовы дать трещину в угоду чистой эстетике.

На улице резко похолодало. Несмотря на яркое солнце, дул пронизывающий до костей ледяной ветер. Лу Шицин, облачённый в тонкие шелка, покорно опустился на колени прямо на холодные каменные плиты. Вокруг него суетились декораторы, выводя на камне символы запечатающего массива красной краской.

Хотя под одеждой у него на пояснице была наклеена грелка, открытые ладони и ступни быстро окоченели. Парень приподнял запястья, звякнув кандалами, и тихо заметил:

— Слишком свободно. Стоит мне дёрнуться, и они соскользнут.

Ассистент по реквизиту тут же затянул цепи поплотнее.

Шицин шевельнул руками. Железо глухо загремело. На фоне грубого тёмного металла его длинные тонкие пальцы и изящные запястья казались безупречным, хрупким белым фарфором, от которого невозможно было отвести взгляд.

Вскоре площадка была готова. Помощник режиссёра вышел вперед и резко хлопнул хлопучкой.

Декорации поражали своим величием. Старший брат Лин крепко держал Цинь Шу за плечи, пока та покорно выслушивала суровый приговор старейшин ордена.

Чуть поодаль, внутри запечатывающего круга, стоял на коленях залитый кровью дух меча. Каждое его движение отзывалось звоном кандалов.

Он отчаянно пытался пробиться к своей госпоже, рвался вперёд изо всех сил, но тяжёлые цепи и сковывающая магия массива не давали сделать и шагу. В конце концов обессиленный дух ничком опустился на плиты среди алых, пропитавшихся кровью складок своих одежд. В его позе сквозила детская обида и растерянность — он страдал, но не умел выразить свою боль словами.

— Гос... госпожа... — едва слышно прошептал он.

Бухуэй не понимал, в чём их обвиняют, и не вникал в чужие речи. Он лишь преданно, с робкой надеждой смотрел на Цинь Шу — точно так же, как когда-то безмолвно выпрашивал у неё ласку.

У Цзян Ванчжи болезненно сжалось сердце. С трудом вернув лицу ледяную маску, она твёрдо произнесла свою реплику:

— Отпустите его! Вся вина за гибель соучеников лежит на мне одной. Верните... верните мне мой меч!

Старейшины восседали на парящих в облаках трибунах. В финальной версии их голоса наложат при монтаже, а пока реплики за кадром зачитывал помощник режиссёра:

— Цинь Шу поддалась влиянию демонического клинка и осквернила свой разум. Отныне её

удел — изгнание в бездну Моря Улин для покаяния. А проклятый меч... должен быть уничтожен.

В начале пути Цинь Шу была слишком наивной. Она глупо верила, будто старейшины проявят милосердие и учтут, что её верный дух лишь защищал её от подлых завистников. Теперь же пелена спала с её глаз.

Все они были сотканы из одной паршивой лжи.

Последней каплей стало то, что старший брат Лин, всегда относившийся к ней как к родной сестре, без колебаний подчинился приказу и вызвался лично низвергнуть её в Море Улин. Именно эта сцена ломала прежний характер Цинь Шу, превращая её в ту, кем ей суждено было стать.

Но в тот самый миг, когда Лин схватил оцепеневшую девушку, чтобы увести прочь, дух меча, захлёбывавшийся кровью посреди карающего массива, вскинул голову. Его глаза вспыхнули безумным, багровым огнём. Невероятным усилием воли он на мгновение разорвал сдерживающие путы и нанёс сокрушительный удар.

Этот яростный выпад поглотил всю первозданную духовную мощь древнего клинка. Земля содрогнулась, скалы затрещали, и перед ними разверзлась колоссальная бездна, разделившая мир надвое.

Цинь Шу застыла от потрясения.

Дух меча молча смотрел на неё. Из его разбитых губ наконец сорвалось единственное слово, помимо привычного «госпожа»:

— Беги...

Остатки его некогда грозной силы обратились в ласковый порыв ветра, который бережно подтолкнул девушку прямо в клубящуюся мглу новообразованного ущелья. Белоснежная бабочка опустилась ей на плечо, готовая указать путь к спасению из этой жестокой обители, пожирающей собственных детей.

Последним, что успела увидеть Цинь Шу перед тем, как исчезнуть в бездне, был угасающий взор Бухуэя, распростёртого в луже собственной крови, но всё ещё тянувшегося к ней взглядом...

И сталь его клинка, со звоном разлетевшаяся на куски.

Сцена получилась настолько пронзительной и трагичной, что присутствующие на площадке актёры и съёмочная группа застыли, боясь даже вздохнуть. За монитором режиссёр Чжао

потрясённо выдохнул.

Было ясно без слов: этот эпизод гарантированно станет одним из самых обсуждаемых и культовых моментов сериала «Девятикратное предание» после его выхода на экраны. Даже сам постановщик не ожидал от этой сцены подобного эмоционального накала.

Цзян Ванчжи перед своим «падением в пропасть» то ли настолько глубоко вжилась в образ, то ли просто поддалась невероятной энергетике Лу Шицина, но из её глаз действительно хлынули слёзы. К счастью, камера в этот момент снимала с общего плана, и её лицо скрыла зелёная ткань павильона.

Поскольку сериал «Девятикратное предание» был классической историей сильной духом героини, Цинь Шу, при всей своей пылкости, не могла испытывать столь глубоких чувств к едва знакомому существу. Слёзы здесь были бы лишними.

Впрочем, как этот жест истолкуют зрители при просмотре — оставалось только догадываться.

Едва раздалась команда «Снято!», актриса скатилась со страховочного мата и растерянно коснулась мокрых щёк.

Она правда заплакала?

С её-то рассудительной и хладнокровной героиней это было совершенно неуместно! Но раз режиссёр не стал требовать пересъёмки, значит, дубль посчитали удачным.

Шицин всё ещё неподвижно сидел на холодном полу, не до конца выйдя из образа. Потрясённые его игрой ассистенты подходили к нему с величайшей осторожностью, словно боялись ненароком повредить это хрупкое создание.

Когда с его рук начали снимать тяжёлый реквизит, один из рабочих попытался стереть бутафорскую кровь с его кожи, но стоило ему коснуться запястья, как юноша болезненно вздрогнул. Мужчина присмотрелся и обомлел...

Парень умудрился пораниться по-настоящему!

Перепуганный сотрудник тут же замахал руками, привлекая внимание остальных.

Режиссёр Чжао мгновенно поспешил к ним:

— Что стряслось? Кто пострадал?

— Руки... — выдохнул побледневший ассистент.

Толпа обступила актёра. Когда тёплой водой смыли искусственную кровь, обнаружилось, что нежная кожа на его запястьях слегка ободрана о металл и на ней проступили мелкие капли сукровицы.

Окружающие притихли.

По паническому виду первого помощника можно было подумать, что юноша балансирует на грани жизни и смерти. И ради чего было так усердствовать? Ведь эти детали даже не попали бы в кадр крупным планом.

Режиссёр осторожно помог парню подняться и мягко произнёс:

— Сяо Лу, всё хорошо? Ступай к медикам, пусть обработают антисептиком. Если переживаешь, съезди в больницу, сделай укол от столбняка — расходы мы покроем.

Тот лишь безмолвно кивнул и послушно поплёлся в медицинский шатёр на перевязку.

Впереди оставалось ещё несколько дублей для крупных планов и ракурсов. Обработав раны, Шицин вернулся в кадр и завершил работу. Лишь к полудню его съёмочный процесс подошёл к концу — для него работа над сериалом была официально завершена.

Обычно Лу Шицину требовалось немало времени, чтобы отпустить эмоции персонажа, но сегодня он справился на удивление быстро. Получив традиционный праздничный конверт и букет цветов, он с натянутой улыбкой отстоял совместное фото, после чего неловкой, деревянной походкой направился в свою гримёрку.

Всё это время Чжоу Фу преданно ждал его в стороне. Заметив приближение подопечного, он с облегчением улыбнулся:

— С официальным завершением съёмок тебя! Отличная работа.

Лу Шицин мгновенно оцепенел. Утреннее воспоминание о его позорном «хорошо, что Жун Сюй уже закончил съёмки» вновь безжалостно ударило по его и без того расшатанным нервам.

С тонкими повязками на запястьях он взял свой смартфон и принялся лихорадочно перелистывать экран. Наконец он зашёл в официальный аккаунт Weibo и перешёл на страницу Жун Сюя. Подписаться в открытую со своего основного профиля он так и не осмелился, поэтому воспользовался функцией скрытой подписки.

Открыв окно личных сообщений с актёром, он принялся мучительно подбирать слова.

Он набрал:

«Господин Жун, касательно утреннего происшествия... Пожалуйста, не поймите меня неправильно, я вовсе не пытался вас обидеть...»

Перечитав написанное, Шицин в панике стёр текст. Он пробовал снова и снова, менял формулировки, но так и не решился отправить ни строчки.

В конце концов он сдался и бессильно отшвырнул телефон.

«Даже если я отправлю это, Жун Сюй получает тысячи писем в день. Он просто не заметит его среди этого хаоса...»

Смирившись с неизбежным, Шицин решил, что проще дожидаться всемирного потопа или падения метеорита.

Жун Сюй проспал почти всю дорогу. Он спал в машине, спал в самолёте и пришёл в себя лишь после того, как в аэропорту прилёта осушил два стакана ледяного американо.

Менеджер Ду Линь везла его в первый павильон телецентра на съёмки очередного развлекательного шоу. Мельком взглянув на его бледное, изнурённое лицо над краем защитной маски, она сочувственно поинтересовалась:

— Снова бессонница? Совсем паршиво выглядишь.

Тот лишь глубже забился в кожаное кресло и прикрыл глаза, явно не расположенный к пустой болтовне.

Сидевший рядом ассистент Сяо Чэнь поспешил объяснить:

— На вчерашнем банкете по случаю завершения съёмок режиссёр без конца подливал Брату Жуну алкоголь. В итоге удалось поспать от силы часа полтора. Голова у него раскалывается до сих пор.

Ду Линь недовольно нахмурилась и заботливо набросила на плечи подопечного тёплый плед. Видя его состояние, она рассудила, что о вчерашних бурных обсуждениях в трендах Weibo ему сейчас лучше не знать, и благоразумно промолчала.

Но где-то на полпути к студии Жун Сюй внезапно стянул маску для сна и, словно вспомнив

нечто важное, хрипло спросил:

— Мы сегодня пересекались с Лу Шицином?

Помощник растерялся:

— А?

Жун Сюй всегда тяжело просыпался, а тут ещё и последствия бурной ночи давали о себе знать — в голове шумело, а мысли путались, как в тумане. Но едва разум начал проясняться, до него постепенно дошло, что в утренней суматохе у отеля он действительно видел ту самую знакомую фигуру.

Сяо Чэнь осторожно уточнил:

— Брат Жун, неужели ты совсем ничего не помнишь?

Для киноимператора всё время с момента пробуждения до посадки самолёта слилось в сплошной сюрреалистичный сон. Ему смутно помнилось, что Лу Шицин выдал нечто крайне забавное, но выудить эту деталь из глубин затуманенной памяти никак не удавалось.

— И что он сказал? — спросил он.

Ассистент неловко кашлянул и в подробностях пересказал утренний диалог. Собеседник на секунду замер.

Ду Линь, услышав это, нахмурилась ещё сильнее:

— Твои фан-сообщества уже всю трубят, что этот парень пытается пиариться за твой счёт. Сколько подобных дельцов крутилось вокруг тебя за эти годы? Держись от него подальше.

Тот лишь неопределённо хмыкнул, пропустив её предостережение мимо ушей. Забрав у помощника свой телефон, он открыл Weibo и вбил в строку поиска имя коллеги.

Личный блог Лу Шицина выглядел на редкость лаконично: последней записью значился репост рекламной кампании парфюма «Степной пожар» трёхмесячной давности, а в списке исходящих подписок сиротливо ютилось всего несколько аккаунтов.

Жун Сюй даже не стал изучать этот список.

«И так всё ясно, — лениво подумал он. — Человек ставит кадры из моих фильмов на заставку и

выкупает целые кинозалы ради моих монологов. Он фанатеет по мне уже бог знает сколько времени. Наверняка подписался на меня одним из первых».

Движением пальца Жун Сюй нажал кнопку взаимной подписки.

Обычно при взаимном жесте статус мгновенно сменяется на заветное «Взаимная подписка».

Однако Жун Сюй долго и недоуменно разглядывал появившуюся надпись:

****[Вы подписаны]****

Он даже зажмурился, гадая, не сыграла ли с ним злую шутку мигрень.

Этот несносный мальчишка... до сих пор на него не подписан?!

От такой неслыханной дерзости у киноимператора даже головная боль прошла — он просто рассмеялся от возмущения.

<http://bllate.org/book/18347/1764296>